

ЕВГЕНИЯ МИХАЙЛОВА

ДВЕ
ПРИЧИНЫ
ЖИТЬ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Д. Васильченко*

Михайлова, Евгения.

М69 **Две причины жить** : [роман] / Евгения Михайлова. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-205893-6

Крупный черный бриллиант завораживает чудесным блеском живых лучей, пленяет, привязывает намертво. Миллиардер Ричард Штайн отдаст его только ей — прекрасной девушке у реки, модели русского фотографа. Она близка ему по силе духа, по благородству, по крови, она единственная, кто этого достоин... Человек мыслит здраво и поступает разумно лишь до тех пор, пока им не овладеет страсть. Страсть к тому, без чего он не сможет жить дальше...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-205893-6

© Михайлова Е., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Глава 1

Два года назад...

Звонок в дверь разбудил молодую женщину, спавшую на диване. Она открыла глаза, тяжело поднялась и, натыкаясь на разбросанные по комнате вещи, задев пустые и полные бутылки, пробралась к трюмо. Короткие волосы торчали во все стороны, блузка расстегнулась, юбка сбилась. Женщина потянулась за расческой, приблизила лицо к зеркалу и с отвращением отшатнулась: «Тьфу, все на морде».

— Иду! — хрипло крикнула она и не спеша открыла дверь.

На площадке стояли два парня. Один — очень худой, расхлябанный, с больными глазами и мокрым носом. Другой — статный, загорелый, с волной волос над невысоким лбом. Волос необыкновенных — густых и чуть волнистых, редкого, по-настоящему пшеничного, оттенка.

— Приветик, Ирка, — сказал дохлый. — Это Валек. В узких кругах — Блондин... Где у нас Жорик? — спро-

сил он, разглядывая бутылки на полу. — Жорика у нас нет. И, стало быть, нет причин не расслабиться на троих.

Ирка мрачно смотрела на гостей. Взяли моду! Каждый дверь ногой открывает.

— Эй ты, Васька, придурок, не хватай тут ничего своими лапами. — Она посмотрела на второго и резко подобрела.

— А блондинчик ничего. — Ирка попыталась изобразить кокетливую улыбку.

Через пять минут все трое мирно пили за столом.

— Ира, — заныл Вася, — ну дай, а? Ну за встречу. В долг.

Хозяйка квартиры приблизила красное потное лицо с блестящими глазами к Блондину:

— А ты? Ну че? Кайф хочешь словить?

Она плюхнулась на пол и вытащила из-под серванта обувную коробку...

А потом они вдруг остались вдвоем — Ира и Блондин. Она придвинула к нему подносик с белым порошком.

— Нюхаешь? Или вмажешь?

— Муж скоро придет? — абсолютно трезвым голосом спросил тот.

— А тебе не все равно? — тупо удивилась Ирка.

— Не хами, — прозвучало в ответ ровно и как-то

очень презрительно. Это дошло до ее замученного мозга.

— Ты че, козел?! — завопила она. — Я его тут принимаю...

Она вскочила со стула и сразу же оказалась плотно прижатой к нему. Как из тумана, на нее грозно смотрело красивое лицо с волной пшеничных волос.

— Ты че? Ты это, что ли? — забормотала она уже расслабленно, почувствовав его твердую руку на затылке.

— Да, — сказал мужчина и одним отработанным движением сломал ей шею. Хрустнули позвонки, и она не успела даже вскрикнуть.

* * *

Вечером началась гроза. Молния сверкала совсем рядом, за окном. Собака дрожала и скулила. Дина за-двинула шторы, зажгла в обеих комнатах настольные лампы. Простое беспокойство. Ничего конкретного. Как опытная жертва, она чувствовала: к ней опять подкрадывается жестокая ночь. Она взбила подушки, встряхнула одеяло. Достала в кухне из холодильника минеральную воду. Приняла две таблетки снотворного, опустила на колени перед Топазом, поцеловала его в нос и пошептала ласковые слова на ушко. Затем вышла на застекленный балкон и, несмотря на ливень, приоткрыла окно. Дождь уже пахнул летом. Многие лю-

бят непогоду, она оттеняет домашний уют. На свете не было более домашнего человека, чем Дина. Все, что ей сейчас нужно, — это рыжая собака, красивый абажур, стопка книг на тумбочке. Но сегодня ничто не спасет ее от надвигающейся ночи. Дина будет убегать в сон от воспоминаний, разрывающих грудь, и просыпаться от кошмаров. Еще две таблетки. Отвар ромашки. Ложка меда и стакан теплого молока. Да плюс мертвому припарка, и можно ложиться спать.

Топаз устроился рядом, как всегда, плотно прижавшись к ее спине. Баю-бай, дорогой.

Ей снилось, как кто-то душит незнакомую женщину. Ее лица не видно. Какие-то военные закрывают на замок клетку с людьми. А потом она во сне почувствовала, что надвигается самое страшное, то, что с ней случилось. И заставила себя проснуться. Лежала неподвижно в темноте и шептала, как привыкла за время своего затворничества:

— Я все забыла. Я ничего не помню. Я ни о чем не думаю.

Утро было ясным, теплым, умытым. Дина погуляла с Топиком, приготовила кофе по своему рецепту: полторы ложки «Нескафе Голд», ложка сахара и чашка горячего, не разбавленного водой молока. Достала из хлебницы ржаную лепешку — завтрак чемпионов. Ей кофе с лепешкой. Ему миску сырой печенки. Теперь можно поспать набело. Дина скользнула в ночную рубашку, с

которой рассталась два часа назад. И тут, конечно, за-
трещал телефон.

— Але, Галя, дорогая, давай потом. Мне нужно по-
спать часок. Да ты что? Seriously?

— Еще как серьезно, — рыдала подруга. — Она
пришла полчаса назад. Не ночевала! Пьяная вдупель.
Ругалась матом.

— И часто она «вдупель»?

— Каждый день. Точнее, ночь. Я вчера ее устроила
на работу. К нам в институт. Ну не директором же. По-
суду мыть в столовой. Она сбежала оттуда через час.
Вот сейчас вернулась домой. И с порога: «Сама мой эти
сраные тарелки».

— Подожди. Не реви так. А что там у тебя за шум?

— Это не шум! Это Наташка храпит!

— О господи! Слушай, я подумаю и тебе позвоню.

Дина положила трубку. Семь лет назад незамужняя
подруга Галя удочерила девочку из детдома. Ей было
десять лет, Наташке, ласковой и прилипчивой, как ко-
тенок. И вот пожалуйста. «Вдупель». Собственно, ничего
страшного. Сейчас Наташка дома, и ей хорошо: она
храпит. Галя о ней беспокоится. А мы ложимся спать.
Дина залезла под одеяло. Положила рядом три новых
романа. Пролиставала их по очереди, выхватывая по
фразе. «Эльза шла по подиуму». «Эмма застегнула на
шее бриллиантовое кольцо». «Натали замерла под све-
том софитов». Черт! Вот оно, решение. Кому действи-

тельно сейчас понравятся сраные тарелки? Особенность демографической ситуации состоит в том, что вместо особ женского пола на подмостки жизни вышли потенциальные модели. И среди них полно страхолюдин, которые рядом с Наташкой и постоять не имеют права.

Дина быстро набрала Галин номер.

— Это я. Есть. Звони в модельные агентства. У них там наборы, кастинги или что-то в этом роде. Объявления ищи.

* * *

Галя осторожно приблизилась к храпящей дочке. С отвращением принялась. Чем от нее несет, кроме перегара? Наташка спала в одних трусиках, не очень чистых. На бедрах какие-то подтеки. Может, ее изнасиловали? Человек десять? Найду и убью всех.

Галя вспомнила, как впервые привела девочку в дом. Сняла с нее и бросила у порога заскорузлое от грязи платье. И обнаружила, что все ее тело покрыто какой-то коркой. Не бывает у детей такой кожи. Волосы слипшиеся, и в них явно кто-то живет. Галя почувствовала жуткий протест. И сразу сообразила, что нужно делать. Она смазала Наташкины волосы керосином, натерла все тело подсолнечным маслом, велела час посидеть на клеенке, а потом на несколько часов замочила Наташку в горячей ванне. Девочка немного посо-

противлялась, но, когда Галя пригрозила ее утопить, смирилась и задремала на подсунутой под голову подушечке. Потом был бурный процесс отмыывания. Выбившись из сил, вся взмокшая, Галя бросила Наташке полотенце, а сама вывалилась на кухню. Она капала в рюмку валокордин, когда на пороге появилась обнаженная девочка, розовая, изящная, как фарфоровая статуэтка, вся в стружках мокрых пепельных волос, обрамлявших идеальное личико. Галя ахнула, закутала ее в халат и поклялась, что никогда не даст Наташку в обиду.

Воспоминание укрепило ослабевшую за утро любовь. Громко заголосив, Галя упала на грудь спящей Наташки, стараясь, впрочем, особенно не приносиваться.

— Доченька родная, что с тобой сделали?

Наташка широко открыла голубые глаза:

— Ты что, спятила? Перестань меня душить! — сильно лягнув Галю грязной ногой, повернулась лицом к спинке дивана. Сонно пробормотала: «Большая баба» — и сладко всхрапнула.

* * *

Сергей Кольцов, частный детектив и по совместительству фотохудожник, проводил утро в своем офисе. Это была крошечная комната в аварийном доме на Цветном бульваре. За стенкой — мастерская друга и

профессионального фотографа Олега. Свой самостоятельный бизнес оба начали два месяца назад и, как могли, помогали друг другу. Олег оставил работу телеоператора, Сергей пятнадцать лет пропахал следователем Генеральной прокуратуры. Посетителей в это утро не намечалось, что не являлось исключением из правил. И потому частный детектив задумчиво рассматривал разложенные на столе снимки. Олег делился с ним заказами: портреты богатых дам, портфолио моделей, снимки для рекламы. Сергей делал это вполне профессионально. Но лучше всего удавалось ему другое. Он умел ловить счастливую случайность. Интересный ракурс, мимолетное прелестное выражение, испуг, радость, смущение, безмятежное бесстыдство. Такие снимки брали на выставки, они побеждали на конкурсах. Больше всего наград получил портрет «Девушка у реки», опубликованный в нескольких престижных зарубежных журналах. Но в последнее время Сергею не везло. Или просто неохота было искать те самые особые мгновения. Достали суровые будни. Дело не в количестве работы, а в качестве. Оправдывая лицензию частного детектива и поддерживая финансовую мощь предприятия, Сергей, как последний м...к, добывал «свидетельства неверности супругов», как это называлось в его объявлениях. Иногда брался получать долги. Конечно, даже это лучше, чем биться о стену коррупции в прокуратуре. Но о вдохновении речи быть

не могло. К тому же дома... Так сразу и не сформулируешь, что не так дома. Жена Лариса. Провинциальная девушка — цветок, пересаженный им на столичную почву.

* * *

Тамара прижала горячий лоб к оконному стеклу. Попробовала зажать уши ладонями. Но все равно слышала пронзительный вопль из первой палаты. Почему она не привыкла? Почему сжимается, как от боли, и начинает задыхаться? Потому что невозможно привыкнуть к этой процедуре. Шесть санитарок и медсестер раздевают догола рыдающую женщину, привязывают руки и ноги к спинкам кровати какими-то чулками, которых здесь почему-то в избытке. И под услужливый хохот фавориток на лицо и тело жертвы льют холодную воду из ведра для мытья. Они даже термин придумали, эти идиотки: «вязки». Им пользуются даже врачи в воспитательных целях. Тамаре «вязками» угрожали только в первые месяцы. Потом поняли: не тот случай. Она умела посмотреть властно и спокойно. Она умела встать и выйти, как королева. Тамара, умница, доктор философских наук, четыре года живет в психушке № 51. Все, что она выучила, прочитала, узнала о жизни, в настоящее время свелось к одному выводу. Когда жизнь останавливается, человек не обязательно умирает. Только если у него получится. Никто не знает, как может выглядеть твой главный шанс умереть. Ее шанс

напомнил о себе тупой, тянущей болью внизу живота. Скоро наступит момент, когда они не смогут больше держать ее за этими решетками.

Тамара добрела до туалета. Там у четырех открытых унитазов курило несколько счастливых обладательниц сигарет. Вокруг них плотным кружком стояли охотницы за бычками. Тамара протиснулась к умывальнику и сняла трусики, на которых расплылось бурое пятно. Долго отмывала его под краном. Затем спокойно вошла в палату.

— Тамарочка, ты где была, в туалете? — спросила Лиля Новожилова, доверчиво глядя своими светлыми, абсолютно безумными глазами. — А ты не видела там моего папу?

— Видела, Лиля. Привет он тебе передал.

* * *

В дверь деликатно постучали. Сергей быстро смахнул в ящик стола фотографии и сделал умное лицо.

— Войдите.

Открыв дверь, женщина неуверенно сказала с порога:

— Я хотела бы видеть частного детектива.

— Вам повезло. Слушаю вас внимательно.

— Понимаете, мне нужен не столько детектив, сколько умный и добрый человек.

— Не знаю, может, вам и повезло.

* * *

Дина тяжело вздохнула и напечатала название рубрики: «Дорогая Нина». Она писала ответы на письма для дешевой желтоватой газеты.

Часто сочиняла и сами письма. Дело это муторное, но только оно давало возможность ни с кем не контактировать в редакции. Оставляла секретарю готовые тексты на три полосы, брала новые письма, получала в бухгалтерии сумму прописью и отправлялась в магазин за печенкой для Топика. Килограмма на три–четыре денег хватало. Раз в неделю.

Итак, что же вы накопали, нацарапали своей «дорогой Нине»? Она прочитала с пяток писем. Ребята сегодня не в форме. Можно ли давить прыщи? Почему мужчины не такие романтические, как женщины? Хорошо ли это, получать большую зарплату? Дураков всегда оказывается больше, чем хотелось бы. Нет, нельзя идти у них на поводу. За ответы на такие вопросы фиг нам дадут, а не деньги на печенку. И она решительно напечатала первую пришедшую в голову фразу: «Я два года скрываю свою страсть». Так, подумаем, к кому же автор письма испытывает тайную страсть? К мужу сестры? К сестре жены, к теще, свекрови, тестю, свекру? К дядьке Черномору, старухе Шапокляк?

«Мастерство берет свое», — удовлетворенно подумала Дина через час, сунув в папку шесть машинописных страниц.

Перед тем как уснуть под чудесное сопение собаки, Дина в деталях представила себе белую виллу, прогретые солнцем ступени, спускающиеся прямо в море, горячий золотистый песок. Во сне она легко плыла в прозрачной воде, а кто-то махал ей рукой с террасы...

Глава 2

Два года назад...

Блондин посмотрел на часы. Без пяти двенадцать. Он в графике. Поднял тело с пола и положил на диван лицом вниз. Случайный человек и не поймет, что Ирина мертва. Затем взял свой стакан и сунул в карман куртки. У двери прислушался: нет ли кого на площадке. Бесшумно вышел, спустился по ступеням и исчез в темноте.

* * *

...Александра арестовали дома часов в девять вечера, когда он собирался с беременной женой на прогулку. Он не сопротивлялся. Наоборот, хотел побыстрее попасть в милицию — разобраться, в чем недоразумение. Его заперли в пустой комнате на несколько часов. В двенадцать вошел участковый и предложил стакан с небольшим количеством водки.

— Я не хочу, — удивился Александр.

— Пей. Мы там с ребятами... Тебе еще долго ждать.

Саша выпил. Через пятнадцать минут участковый явился с человеком в штатском, который представился следователем.

— Объясните, пожалуйста, в чем дело, — начал Александр.

— Обязательно, — прервал следователь. — Мы только кое-что уточним. Вам придется снять ботинки. Не беспокойтесь. Это формальность. Вернем через полчаса.

Ботинки действительно швырнули ему через час. За ними ввалился уже совсем пьяный участковый.

— Влип ты, майор. Обвиняешься в убийстве. Любовницу свою замочил.

* * *

Галя вела Наташу на кастинг в модельное агентство «Суперстар». Та не выспалась и плелась, как бурлак по Волге. Но выглядела здорово. Галя вечером раз пять вымыла с шампунем ее роскошные, длинные волосы, зверски терла мочалкой нежную кожу на лице и шее. Затем намазала дорогим кремом. Мокрые волосы заплела в косички, чтобы с утра легли волнами. Утром Наташа как миленькая десять минут чистила зубы, умывалась горячей и холодной водой. Когда у нее освободился рот, изрекла: «Это становится у тебя манией». А Маша, соседка по коммуналке, злорадно проворчала: «Все равно на рогах приползет». Они дружно

ее проигнорировали и приступили к самому главному. К облачению в новое платье. Его привезла знакомая из Турции для себя, но ее убивал слишком яркий голубой цвет, а Наташку он, мягко говоря, не убил. Наряд как будто был придуман именно для нее. Рукав фонарик, круглый кружевной воротничок такого же цвета, как платье, и что-то типа кружевного передничка, вшитого в юбку. А сзади — спина, открытая до поясицы. Чистая Лолита. И выглядит в свои семнадцать от силы на пятнадцать. Немного туши на пушистые ресницы, капелька серо-голубых теней и розовая перламутровая помада. Кукла Барби, скажи мне «мама». Нет, лучше не открывай рот, потому что голос у куклы как у пожилой торговки семечками — грубый и хриплый, а интонации — хамские. Жестокая это штука — гены. Биологическая мамашка растаяла как дым, когда девочке и года не было, а фамильными особенностями ее наградила.

От метро «Парк культуры» до агентства нужно было идти минут пятнадцать. Но уже через несколько метров они увидели длинющую пеструю очередь. Уходящие вверх ноги в таком количестве были похожи на что угодно, только не на части тела.

Наташка оторопела. Вцепилась в Галину руку и беспомощно на нее посмотрела.

— Ёб... — сказала она, — тут же б....й х...а туча.

* * *

Лариса Кольцова лежала с закрытыми глазами, прислушивалась, как собирается на работу муж, и каждый звук вызывал в ней волну раздражения. В последнее время это стало ее доминирующей реакцией на все, что происходило вокруг. Кажется, совсем недавно они с Сергеем радовались как дураки, купив эту двухкомнатную квартиру. Ну, с ним все ясно. А она... Неужели она не видела тогда, что это — жалкая конура для нищих и неудачников? Лучше на вокзале пересидеть, пока появятся чертовы деньги. И с какой радости они вообще появятся? Он ушел из прокуратуры. Хорошо. Там мало платили. Но он отдавал эти копейки ей, а не оставлял их на развитие следственных органов. Сейчас у него не зарплата, а гонорары, которые нужно пускать на развитие дела. На занюханное агентство, весь штат которого — один получивший пинок под зад прокурор. Лариса могла бы ему сказать, что деньги платят не за работу, а человеку. Люди не ошибаются. Они знают, кому заплатить, а кто перебьется. Она могла бы ему объяснить это, но не стоит усилий. Потому что он с каждым днем становится все более упертым ослом.

Ларису раздражала работа. Из ведущей самостоятельной программы ее из зависти перевели в программу большой шишки на ровном месте Его Величества Стражникова. Он в часовом эфире дает ей пять минут — новости прочитать. Она уже стала ненавидеть

приятельниц. За наряды, украшения, отпуск на Канарах. Самое ужасное заключается в том, что ее постоянно плохое настроение все замечают. На днях редактор Светка Орлова к чему-то сказала, что ее муж — самый модный в Москве психоаналитик. Звезды к нему в очередь записываются. Психоаналитик! Фельдшер из «дурки», который открыл частную практику с большим успехом, чем муж Ларисы.

Лариса поняла, что давно уже находится в квартире одна. Скотина. Не мог попроситься, сказать, когда придет. «Ты меня целовал, уходя на работу...» Да пошел ты...

Ей ужасно не понравилось собственное отражение в зеркале. Мешки под глазами, подбородок и щеки дряблые. Пластического хирурга мы себе не позволим, а в косметический салон не пойти просто нельзя. Но только не туда, где все свои. Может, на Ленинградский проспект? Там такой маленький уютный закуток. И массажист. Интересный очень массажист. Коренастый, смуглый, с ежиком жестких волос и светло-зелеными глазами. Вызывающе яркий парень.

* * *

Сергей задумчиво курил за своим столом. Через полчаса придет вчерашняя посетительница. Он должен ей сказать, берется ли за это дело. За это тяжелое даже для целого следственного отдела расследование с